

МАРИЯ
БРИКЕР

ЖЕЛТЫЙ
СВИТЕР
ПИКАССО

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Оформление серии *С. Груздева*

Брикер, Мария.
Б87 Желтый свитер Пикассо: [роман] / Мария Брикер. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Парижский след. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-091642-9

Француженка русского происхождения Елизавета Павловна сильно переживала за свою племянницу Мишель: познакомилась по Интернету с художником, представившимся «Пикассо», и теперь летит к нему в Москву! Хорошо что старый друг, режиссер Варламов, согласился помочь: попросил своего знакомого Клима встретиться с Мишель под видом художника и внушить к себе отвращение. Но капризной француженке мерзкий тип очень даже понравился! Никто из них еще не знал, что в Москве действует странный художник-убийца: выбирает жертв-натурщиц, чем-то похожих на любовниц настоящего Пабло Пикассо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091642-9

© Брикер М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Что для очей простых несбыточно,
То вдохновенным оком
Поймем легко в экстазе мы

глубоком.

В. Шекспир

ОТ АВТОРА

Все персонажи и события, описанные в романе, являются вымышленными. Сходство с реальными людьми случайно.

Пролог

Старуха шла за ней уже два квартала: безобразная, растрепанная, в рваных башмаках и грязных обносках. «И куда только милиция смотрит», — недовольно подумала Таисия, поравнялась со светофором, перевезла коляску через дорогу на желтый свет и обернулась. Загорелся красный, но старуха не отставала, торопливо ковыляла по проезжей части, не обращая внимания на гудки машин и раздраженные крики водителей. «Да что ей от меня надо? Ненормальная какая-то», — разозлилась Таисия и ускорила шаг.

Впервые она заметила нищенку, когда гуляла с ребенком на Фрунзенской набережной. Таисия не любила детскую площадку рядом с домом: дети, ломающие друг у друга кулича в песочнице, вызывали у нее раздражение. Она вообще не любила чужих детей: отвратительные, сопливые карапузы. Разве можно было их сравнить с ее Андрюшенькой? Длинные русые кудряшки, небесно-голубые глаза, пухлые щечки, розовые пяточки. Чем не ангелочек, крылышек только за спиной нет. Таисии нравилось, что прохожие восхищаются ее чудесным малышом. Поэтому каждое утро молодая генеральская жена надевала модное платье, туфли на высоком каблуке, делала макияж, укла-

дывала волосы, просила няньку нарядить сына в оборочки и кружева и отправлялась на прогулку в сквер или на набережную. Это была последняя прогулка перед отъездом, завтра они с мужем отправляются в Сочи на отдых. Таисия так страстно ждала этого дня, что отказалась переезжать на дачу в Переделкино. Муж ее решение остаться в Москве до отъезда воспринял плохо. Начало лета 1973 года выдалось жарким и сухим, в городе стояли духота и смог, пахло гарью от тлеющих под Москвой торфяников, асфальт плавился под ногами, москвичи ходили шальными, детишки купались в грязных фонтанах, молодежь гурьбой устремилась на Клязьму и в Серебряный Бор. Но Таисия проявила упрямство и покидать Москву наотрез отказалась. Ей нужно было серьезно подготовиться. Еще раз примерить новые туалеты, которые она загодя заказала у портнихи. Еще раз посетить парикмахера, маникюршу и массажистку. А Переделкино она вообще не любила. Во-первых, там проводила лето свекровь, которая вечно приставала со своими дурацкими советами, во-вторых, Таисия постоянно царапала лодыжки о кусты роз, так что на ее безупречных ножках надолго оставались некрасивые следы, в-третьих, она регулярно ломала себе ногти и страдала газами от местной воды. Но последнее было не так уж и существенно. Мужа страшно забавляли ее случайные конфузы. Общение со свекровью тоже можно было пережить с горем пополам, но отправляться на море с расцарапанными ногами и плохим маникюром Таисия не собиралась.

Она вкатила коляску во двор и направилась к подъезду. Предстоящая поездка снова заняла все мысли, Таисия даже о сумасшедшей старухе забыла. Та сама напомнила о себе, выросла перед ней, словно из-под земли, и преградила дорогу к парадному.

— Что вам нужно? — напряженно спросила Таисия.

— Предупредить хочу тебя, девонька. Уберечь. Опасность тебе угрожает! Тебе и мальцу твоему.

— Знаете что, бабушка, идите вы лучше отсюда, пока я мужа не позвала, — разозлилась Таисия. — Он знаете у меня какой? Церемониться не будет.

— Знаю, милая. Знаю, поэтому и пришла. Душегубец у тебя муж! Нехристь. Столько людей безвинных в тюрьмах сгноил и под эшафот подвел. Сколько кровушки чужой выпил! Беги от него, пока молодая, беги. Первую жену погубил и тебя погубит. А сыночка твоего воспитает под стать себе: с красивым лицом, да с душою черною, как воронье крыло.

— Что ты несешь, старая идиотка! — сквозь зубы процедила Таисия и с размаху ударила старуху по лицу. Старуха отшатнулась, схватилась рукой за морщинистую щеку и долго смотрела на Таисию влажными печальными глазами.

— Зря ты так, девонька, — тихо сказала она. — Я по-доброму пришла. С открытой душой. Предупредить тебя хотела. Знаю, о чем говорю. Дочь родную схоронила по его вине.

— Дочь? Вот оно что! Теперь я поняла, с кем имею счастье познакомиться, — надменно сказала Таисия. — Ты, значит, и есть мамаша бывшей полоумной женушки моего супруга. Что же, яблоко от яблоньки... Убирайся, твое место в дурдоме! Мой муж — чудесный человек, а твоя кретинка дочь испортила ему жизнь. Все с облегчением вздохнули, когда она отправилась на тот свет, — с ненавистью сказала Таисия, с сожалением отметив, что сломала-таки ноготь.

Старуха переменилась в лице.

— Будь ты проклята, поганка! — завизжала она. — Пусть отныне черное станет белым, а белое — чер-

ным! Будь ты проклята, и пусть случится то, чего боишься ты больше всего на свете! И все люди станут слепы и не увидят истины в том, что ты любишь, а будут видеть только угли и золу. Угли и золу! Да будет так! — Старуха вознесла костлявые руки к небу, перевернулась на месте вокруг своей оси, шепча себе под нос что-то нечленораздельное, обернулась к Таисии, плюнула в ее сторону и заковыляла прочь.

Малыш испуганно заплакал. Таисия охнула, схватила сына на руки и бросилась домой. Это было ужасно, негигиенично, отвратительно — мерзкая старуха попала слюной в лицо малышу! Она влетела в квартиру, тщательно вымыла сопротивляющемуся и орущему сыну личико водой с мылом, отдала возмущенного ребенка няне, налила себе коньяку и уселась на диван в гостиной. Таисия пила коньяк и размышляла, стоит ли рассказать мужу о том, что к ней приставала на улице его бывшая теща, или промолчать и не расстраивать супруга перед поездкой?

Кухарка Зиночка позвала обедать. Подавали ее любимый салат из крабов, рассольник и рыбные паровые котлеты с пюре, но Таисия ела без аппетита и все никак не могла решить, как поступить. Наконец она не выдержала и рассказала все Зиночке. Молоденькая деревенская девушка Зиночка всерьез испугалась, посоветовала мужу ничего не говорить, а немедленно бежать в церковь ставить свечку и крестить младенца. Таисия разозлилась, отвесила Зиночке затрещину и строго отчитала за глупость и суеверие. Муж с работы вернулся поздно, замотанный и злой, и Таисия рассказывать о гадкой старухе не решилась. Лишь на всякий случай поинтересовалась, не заразна ли слюна сумасшедшего человека. Супруг удивился странному вопросу, со смехом уверил ее, что нет, Таисия успокоилась и уснула.

Проснулась она рано, от сна — липкого и беспо-

койного, вскочила с постели, набросила халатик, вошла в детскую и с тревогой заглянула в кроватку. Андрушенька сладко спал, посасывая палец во сне. Она улыбнулась, полюбовалась своим ангелочком, поцеловала его в лобик и распорядилась подавать завтрак.

Ровно в десять к их подъезду подъехала машина, чтобы доставить генеральское семейство на вокзал вместе с няней и кухаркой. Таисия уже была готова и возбужденно металась по комнатам, проверяя, все ли взяла с собой. О старухе она больше не вспоминала, а единственное, чего в эту минуту боялась больше всего на свете — опоздать к отправлению поезда Москва — Сочи.

Поезд отправился с задержкой в расписании. Долго ждали важного генерала с семейством, начальник поезда нервничал, проводница вагона СВ суетливо бегала по перрону, пассажиры возмущались. Генерала так и не дождались. У машины, в которой он ехал с семьей на вокзал, неожиданно отказали тормоза, шофер не справился с управлением и на полной скорости врезался в грузовик. Машина загорелась. Генерал, его жена, шофер и нянька малолетнего генеральского сына погибли. В живых остались кухарка Зинаида и ребенок, которого она успела вытащить из полыхающего автомобиля. О героической девушке написали все советские газеты, генерала и его жену похоронили с почетом. Но никто не сомневался, что генерала устранили свои же товарищи по партии. Никто, кроме простоватой деревенской кухарки генерала — Зинаиды...

— Вы уж простите меня, уважаемая Елизавета Павловна, но сил моих больше нет! — Варламов вскочил с кресла и с перекошенной физиономией прошелся по комнате. Елизавета Павловна де Туа, пожилая ак-

куратная дама с белыми короткими волосами и красивым аристократическим лицом, сняла очки, отложила листы в сторону и расхохоталась.

— Иван Аркадьевич, как я вас понимаю, голубчик! Но вы уж позвольте, я дочитаю до конца. Там не так много осталось.

— Нет, Елизавета Павловна, при всем моем к вам уважении — увольте, душа моя. Слушать этот бред я не стану. Сейчас это, знаете ли, модно стало. Проклятья, ведьмы, вурдалаки — дурь, одним словом! — раздраженно воскликнул Варламов, вновь сел в кресло и закинул ногу на ногу.

С Елизаветой Павловной, вдовой банкира Нейла де Туа, известного в свое время мецената и покровителя высокого искусства, режиссер познакомился не так давно, но очень скоро они стали друзьями. После смерти обожаемого супруга Елизавета Павловна продолжила его дело и активно занялась благотворительной деятельностью. Меценатство ее, однако, имело узкую направленность. Мадам де Туа щедро вкладывала средства исключительно в культуру и продвижение молодых талантов. Она опекала музыкантов, художников, поэтов, писателей и прочих творческих людей и спонсировала некоммерческие, но талантливые проекты. Перед гением Варламова Елизавета Павловна преклонялась, и двери ее большого дома в стиле «Иль де Франс», расположенного в пригороде Парижа, всегда для него были открыты. Иван Аркадьевич любил бывать здесь и, когда прилетал по делам в Париж, непременно заезжал к мадам де Туа в гости. Ему нравилось, что в интерьере дома, который достался Елизавете Павловне в наследство от супруга, ничто не меняется, а тщательно и ревностно поддерживается в прежнем виде. Цветные витражи на огромных вытянутых окнах гостиной, мягкие персидские ковры, шероховатые напольные вазы, холсты с

портретами благородных предков Нейла де Туа, развешанные в тяжелых рамах по стенам, бронзовые светильники, кованые ажурные решетки камина, медные умывальники туалетных комнат, невысокие комоды черного дерева и элегантные бюро — все здесь было мило его сердцу и вызывало трогательное чувство ностальгии по временам ушедшим.

— Ваше мнение для меня всегда имело большое значение, — улыбнулась Елизавета Павловна. — Но вы напрасно, голубчик, на мистику грешите. Людям всегда было интересно то, что не поддается здравому объяснению.

— Речь не о том, душа моя. Авторы подобной халтуры пытаются замаскировать незнание психологии и списывают все на мистическую составляющую. А конец всегда предсказуем. Хотите, я расскажу вам, что там дальше по сюжету? «Черное пусть станет белым, а белое — черным». Мальчик обгорел, ведь так? — Елизавета Павловна кивнула. — Раз обгорел, лицо его стало безобразным. Именно этого на самом деле и боялась генеральская жена больше всего на свете — что ее ребенок не будет красив, как ангелочек. Погибают все, кроме кухарки Зинаиды. Почему? Да потому, что кухарка — единственная, кто знал об истории с проклятием. Невообразимая глупость, голубушка. Как вы считаете, в реальной жизни стала бы женщина, подобная Таисии, делиться с кухаркой своими неприятностями? Не стала бы. И тем более не спрашивала бы у нее совета. Но нужно же мальчику, когда он подрастет, от кого-то узнать правду, поэтому автор и оставляет кухарку в живых, а с родителями расправляется, чтобы вызвать у читателя дополнительную порцию жалости к герою. «И все люди станут слепы и не увидят истины в том, что ты любишь, а будут видеть только угли и золу». Несомненно, мальчик рос добрым, умным, талантливым и с

душой чистой, как у ангела, но люди этого не видели в упор из-за его уродства. Мальчик был несчастлив, страдал и мучился, никто его не понимал и не любил, а Зинаида тем временем, уверенная, что не в безобразном лице дело, даром времени не теряла и делала все возможное, чтобы снять заклятие. Она долго и упорно разыскивала старуху и, конечно же, нашла. И стала ее допытывать. Старуха, несомненно, к тому времени уже раскаялась, но была не в силах помочь и отправила кухарку восвояси, пообещав, что заклятие победит только настоящая любовь. Возможно, поставила какое-нибудь обязательное условие для юноши, чтобы тому жизнь медом не казалась. Не суть важно.

— Поразительно, именно так все и было! Почти... — восхищенно воскликнула Елизавета Павловна и хлопала в ладоши.

— Что значит — «почти», голубушка? Неужели я в чем-то ошибся?! — притворно возмутился Варламов.

— Что вы, ни на минуточку не ошиблись. Далее события развивались именно так, как вы сказали. Но у этой повести нет конца. Она оборвалась на самом интересном месте, и я так и не узнала, чем все закончилось.

— Уверен, что все закончилось хорошо, — мягко улыбнулся Иван Аркадьевич. — Юноша сделал все, как велено, и тут же объявилась красotka с добрым сердцем, которая полюбила несчастного за его светлую душу. И юноша так обрадовался, что сразу разбогател, нашел высококлассного пластического хирурга, сделал себе операцию и превратился в красавца. И стали они жить-поживать и добра наживать.

— Шутник вы, Иван Аркадьевич! Но что же мне со всем этим делать? Признаться, я очень сильно рассчитывала на ваш совет. Ума не приложу, почему именно мне прислали эту неоконченную повесть по почте?

— Вы у нас известная меценатка, — добродушно сказал Варламов. — Автор, вероятно, решил, что может заинтересовать вас отрывком из своего гениального произведения, и вы тут же броситесь продвигать новый талант. Что, впрочем, вы сейчас и пытаетесь сделать.

— Да, но на конверте нет обратного адреса и имени отправителя, — возразила Елизавета Павловна. — Автор даже не посчитал нужным указать свое имя и возможный способ связи в случае моей заинтересованности. Согласитесь, Иван Аркадьевич, это очень странно.

— Ничего странного. Он намеренно напустил на себя ореол таинственности, чтобы вас заинтриговать. И, как я понимаю, у него это неплохо получилось. Не сомневайтесь, скоро он сам объявится. Советую сразу же его отшить, иначе не отвяжетесь потом.

— Вы правы, Иван Аркадьевич. Как всегда. Заинтриговал меня этот паршивец донельзя! Ну да ладно — шут с ним, раз вы считаете, что повесть эта не стоит и ломаного гроша. По правде говоря, я и сама так считаю, — вздохнула Елизавета Павловна и убрала рукопись в стол. — А не выпить ли нам еще кофейку? — спросила она и загадочно посмотрела на Варламова. — Признаюсь, я просила вас приехать совсем не из-за этой вещицы. У меня к вам дело, друг мой, очень личное и сугубо конфиденциальное.

— Я весь внимание, Елизавета Павловна. Но что случилось? — с беспокойством спросил Варламов.

— Так как насчет кофе? — робко спросила мадам де Туа, и Варламов уловил в лице Елизаветы Павловны смущение и нерешительность.

— Кофе подождет, голубушка. Выкладывайте, что у вас стряслось, и немедленно, — подбодрил он ее.

— Как вы знаете, я человек публичный, — начала Елизавета Павловна. — У меня множество друзей, но

доверять я могу далеко не всем. На вас вся надежда, голубчик. Дело, в которое я собираюсь вас посвятить, касается Мишель.

— Что на этот раз натворила ваша горячо любимая племянница? — иронично спросил Варламов.

— Она влюбилась! — обреченно вздохнула мадам де Туа, и Варламов от удивления расширил глаза и сконфуженно закашлялся. Елизавета Павловна тоже откашлялась и надолго замолчала, нервно теребя кружевной платок. Варламов ждал. — Господи, у меня больше нет сил противостоять ей! — неожиданно воскликнула Елизавета Павловна. — Она вся в мать! Просто копия моей непутевой сестры, царствие ей небесное. Та тоже путалась неизвестно с кем и счет деньгам не знала. Поэтому и кончила плохо. Но скажите мне на милость: как я могу доверить племяннице свое состояние и дело всей моей жизни, если она такая же беспутная, как и моя сестра? Как?! Одна у меня надежда, что Мишель выйдет замуж за приличного человека, который ее усмирит.

— Догадываюсь, о чем пойдет речь: очередной избранник Мишель не подпадает под ваш эталон, — насмешливо сказал Варламов. — Признаться, душа моя, я не совсем понимаю, чем могу вам помочь в этом интимном вопросе? — удивился Иван Аркадьевич, и ему вдруг страстно захотелось бежать из дома Елизаветы Павловны со всех ног. Но очень скоро, внимательно выслушав Елизавету Павловну, Варламов изменил свое мнение.

В гостиницу он вернулся с горящими глазами, дрожью в руках и приятным томлением в душе. Так бывало всегда, когда режиссер загорался новой гениальной идеей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ФИЛЬМ, ФИЛЬМ, ФИЛЬМ...

Франция, начало апреля, 200... год

В Париж она влюбилась сразу, с первого взгляда, с первого вдоха. Город околдовал ее своим неповторимым шармом. На улицах капризничал апрель, прохладный и дождливый, совсем не характерный для Европы. Еле уловимо пахло кофе и горячими круасанами, именно теми, о которых принято говорить, вспоминая поездки в Париж.

Алевтина бродила с разноцветным зонтиком по промокшим улочкам, кутаясь в короткое демисезонное пальтишко, прислушивалась к звукам дождя, тихому дыханию мутной Сены, звону колоколов собора Парижской Богоматери, наслаждалась созерцанием. Ей нравилось все: и цветущие вдоль бульваров знаменитые каштаны, и прохожие, спешащие укрыться от дождя в уютных кафе, и влажные фасады домов с приземистыми крышами, и шпиль Эйфелевой башни, утопающий в легкой дымке тумана.

Это было непостижимо. Она здесь. В Париже! А вокруг — живая история, к которой можно прикоснуться рукой, пощупать, рассмотреть вблизи.

Париж разительно отличался от городов, в которых ей довелось побывать в последнее время. Он был уникален. И замирало сердце от предвкушения, что